

Е.О. Астапова

Поэтический образ аромата сливы в японской антологии «Кокинвакасю»

В статье рассматривается тема аромата сливы в японском поэтическом памятнике X в. «Кокинвакасю». На примере поэтической антологии анализируется художественная функция аромата сливы в средневековой японской поэзии.

Ключевые слова: «Кокинвакасю»; поэзия *вака*; художественная функция; аромат сливы.

В период формирования и становления японской поэтической традиции новый этап в ее развитии связан с поэтической антологией «Кокинвакасю» («Кокинсю») — «Собранием старых и новых песен» (905), составленной по приказу императора Дайго (897–930). Первая из восьми императорских антологий, созданных в эпоху Хэйан (794–1185), новаторская по сути и форме. В ней привычные и традиционные образы, сюжетные линии и темы получили новое звучание и поэтическое воплощение.

Среди весенних образов, наиболее ярко представленных в пейзажной лирике «Кокинсю», особое место занимает образ цветущей сливы, источающей изысканный аромат. Обратим внимание, что в «Кокинсю» воспевалась не только красота сливы, ее цветы, но именно аромат, которому в поэтике антологии «Кокинсю» была отведена исключительная роль. Отметим также, что данная тема была не нова для хэйанских поэтов. Об аромате слагали песни и в предшествующей «Кокинсю» антологии «Манъесю», и даже в еще более древнем поэтическом сборнике китайской поэзии «Кайфусо» (751). Однако в собрании «Кокинсю» именно аромат сливы был воспет гораздо больше, чем ее красота, а тема благоухающей сливы стала основной в песнях, посвященных этому дереву.

Так, в 17 из 32 песен о сливе в антологии «Кокинсю» поэты так или иначе воспевали ее аромат. В иероглифическом написании слово «аромат» воспроизводили двумя способами. С помощью иероглифа 匂 («запах»), который носил нейтральный оттенок, и с помощью иероглифа 香 («аромат», «благоухание»), благодаря которому подчеркивалась изысканность и давалась высокая оценка благородному дереву сливы [2: с. 45]. Чтобы изобразить картину весенней природы во всей ее красоте в пейзажной лирике или вызвать у читателя определенные чувства при знакомстве с любовной поэзией, поэты подбирали к слову «аромат» соответствующие глаголы, которые могли подчеркнуть тончайшие нюансы.

Именно глаголы «оживляют» слово «аромат» в песне, наделяют его красками и заставляют его «работать» именно так, как необходимо составителю

послания. Словесная характеристика ощущения аромата сливы веками оттачивались в поэтической традиции, но только в эпоху Хэйан достигла совершенства. При этом появился новый взгляд на значение аромата сливы. Возникли ракурсы, на которые поэты предыдущих поколений не обращали внимания. К примеру, аромат сливы могли сравнить с «посланцем ветра» (風の便り), который укажет дорогу соловью, станет его проводником (導にはやる), как это было искусно подмечено поэтом Ки-но Томонори на одном из поэтических турниров.

Действительно, аромат сливы, витая в воздухе, служил верной приметой, был своего рода маяком, который даже в темноте мог указать дорогу возлюбленным к дереву. В некоторых песнях герой даже «разыскивает» (尋ねる) ветку сливы по ее благоуханию в лунную ночь (月夜), чтобы сломать и преподнести своей возлюбленной. А в песне № 9, озаглавленной «К горе Курабу», во тьме ночи единственным точным признаком того, что здесь растет слива, служит ее аромат. В ней используется глагол 徴く («судить по приметам»), да и само название горы переводится как «гора Тьмы» (暗部山), что еще более усиливает у читателя ощущение пребывания во тьме и трудности, сопряженные с поиском сливового дерева.

На превосходство аромата сливы перед красотой ее цветов указывает и то, что в «Кокинсю» главным образом поют о цветущей сливе. Поскольку только такая слива может благоухать, поэтому лишь в трех песнях поэтического памятника упоминаются опадающие лепестки. Это отличает «цикл о сливе» от аналогичной подборки в антологии «Манъесю», в песнях которой преимущественно воспевали цвет и красоту сливы. И именно созерцание ее опадающих лепестков доставляло эстетическое удовольствие утонченным ценителям красоты в древности.

Можно предположить, что такое развитие тема аромата сливы получила не только в связи с изменениями в эстетических предпочтениях придворных поэтов, но и благодаря усовершенствованию поэтических традиций, заложенных древней поэзией, а также такому удивительному явлению той поры, как культура ароматов и благовоний, расцвет которой пришелся на эпоху Хэйан.

Песни, посвященные теме аромата сливы в «Кокинсю», под общим названием *умэ га ка* (梅が香) можно условно классифицировать на три группы:

I. «Аромат сливы, разливающийся ночью» — *еру но умэ но ка* (夜の梅の香).

II. «Аромат сливы, пропитывающий рукава» — *содэ но ка то уцури ка* (袖の香と移り香).

III. «Другие ароматы и благовония, ошибочно принимаемые за аромат сливы» — *умэ га ка то такимоно но ка* (梅が香と薫物の香).

К группе I относятся произведения пейзажной лирики из первого свитка «Весна». Как правило, они повествуют о том, что благодаря разливающемуся аромату в темноте можно распознать, что здесь цветет слива. Или, например, поют о том, что весенней ночью белые цветы сливы можно ошибочно принять

за белый снег или белый свет луны, и только аромат подсказывает поэту, что это не снег и не луна, а слива. Таким образом, темнота утрачивает функцию некой помехи или препятствия и становится бессильной.

Наиболее интересны поэтические образы, которые встречаются в песнях из группы II. «Аромат сливы, пропитывающий рукава одежд» — самый распространенный из них. А словосочетание «аромат, пропитывающий [одежду]» 移り香 (буквально «аромат, переходящий на что-либо») стало излюбленным поэтическим выражением, которое часто используется в хэйанской поэзии.

При более детальной классификации песен с выражением 移り香, относящихся к группе II, их можно разделить на три подгруппы:

- 1) «аромат сливы, пропитывающий рукава»;
- 2) «аромат одежды, напоминающий об аромате сливы»;
- 3) «аромат сливы, пропитывающий собой другие предметы».

В песнях из подгруппы 1 часто говорится о том, как аромат сливы переходит на рукава, а соловей (еще один парный образ сливы), ошибочно приняв рукава за цветы сливы, старательно выводит трели, или, например, о том, что рукава, пропитанные ароматом сливы, являются прощальным подарком весны.

В любовной лирике нередко поют о том, что на рукавах возлюбленных «остается аромат сливы» (袖に留まれる), рукав может «пропитаться» им (香に滲める) или даже «промокнуть» (袖に濡れる). Устойчивые словосочетания, которые имя существительное «рукав» образовало с такими глаголами, как *нидзимэру* (滲める) — «пропитывать», и *нурэру* (濡れる) — «промокать, быть мокрым», были выбраны поэтами не случайно. Приведенные примеры подтверждают следование древней традиции, заложенной еще в антологии «Манъёсю» и, видимо, обусловленной народной магией, когда возлюбленные, состоящие в любовной связи, могли вместе окунать рукава в реку, с тем чтобы укрепить чувство. Упоминание об этом находим в древней поэзии. В произведениях «Кокинсю», явно стремящихся отойти от народной песенной традиции, вместо реки появился образ аромата сливы, пропитывающего рукава. Таким образом, между ароматом сливы, пропитывающим рукава, и чувством любви был поставлен знак равенства.

В большинстве песен подгруппы 2 поется о том, как аромат любимой или любимого ошибочно принимают за аромат сливы, и наоборот. Также возможно выражение опасения быть неверно понятым, когда платье случайно пропитывается ароматом (ведь это могло рассматриваться как подозрение в измене). Примером может служить одна из песен, сложенная неизвестным автором, типичная для такого рода стихов: «К цветущей сливе / Чуть прикоснувшись, / Я пропитался ароматом, / Теперь от милой / Жди упреков!» [1: с. 60].

Герой соблазнился ароматом сливы, ошибочно принимая его за аромат возлюбленной. Эмоциональный посыл произведения транслирует читателю любовные переживания героя, его сомнения в том, что «придет ли любимая?..», «состоится ли встреча?..». Благоухающее дерево сливы здесь выбрано автором в качестве уже общепризнанного в то время символа любви к женщине.

Песни подгруппы 3, в которых аромат пропитывает другие предметы, а точнее, распространяется на природные явления, более характерны для последующих императорских антологий. В них аромат сливы переходит на воду, лунный свет, наполняет небеса, становится иллюзорным ароматом, заполняющим пространство вообще.

К моменту создания «Кокинсю» данная традиция только начала зарождаться, поэтому подобных песен в антологии чрезвычайно мало, и в них аромат перетекает только на снег. Выбор поэтами снега в качестве природного явления, которое могло бы быть пропитано ароматом сливы, был неслучаен. Ведь согласно канонам стихосложения той поры, снег, как и соловей, был парным образом к слову «слива», и слагать песни о цветущей сливе на фоне белого снега было общепринятым еще во времена антологии «Манъесю». В «Кокинсю» обычай сохранился, с той лишь поправкой, что принципиально изменились функции снега в поэзии. Для примера приведем песню поэта Ки-но Цураюки: «С выпавшим снегом / Сливы аромат смешался, / Кто же теперь, / Сорвать цветок желая, сумеет / Их разделить?» [1: с. 112].

«Переход» аромата сливы на разные предметы и природные явления, порой даже на такие абстрактные, как пение соловья (в более поздней традиции), представляет собой прием *синестезии* [4: с. 128], когда чувства и эмоции, вызванные, например, обонянием, создают звуковые или зрительные эффекты. То есть чувства, рожденные одним органом восприятия, усиливаются за счет всплывающей в данный момент, связанной с этим чувством звуковой или зрительной иллюзии.

Таким образом, ко времени создания антологии «Кокинсю» в японской поэзии *вака* образ сливы претерпевает трансформацию, и ее аромат выделяется в особую эстетическую категорию. Более того, на примере распространения аромата сливы можно проследить, как от одной антологии к другой менялось ритуально-магическое значение образа. В «Манъесю» фольклорная традиция еще проявлялась сильно, поэтому, например, как было описано выше, возлюбленные в песнях скрепляли любовный обет, промокая рукава в реке, т. е. проводили своего рода физический ритуальный акт. В дальнейшем элементы «народного ритуала» ушли из японской поэзии, а функция ритуального скрепления любовных уз стала условной, поэтому едва уловимый, тонкий аромат сливы как нельзя лучше соответствовал стремлению поэтов к созданию эфемерных поэтических образов. В «Кокинсю» аромат пропитывал рукава одежды и тем самым скреплял союз влюбленных.

Теперь рассмотрим песни из группы III под названием «Другие ароматы и благовония, ошибочно принимаемые за аромат сливы» (梅が香と薫物の香), в которых повествуется о том, как аромат сливы пропитывает не только одежды или природные и абстрактные явления, а также может быть ошибочно принят за аромат духов (а точнее, благовоний) или других цветов. К примеру, в песне № 34, искусно сложенной неизвестным автором антологии «Кокинсю», рассказывается о том, как возлюбленная ошибочно приняла аромат сливы, разливающийся около дома, за аромат возлюбленного [1: с. 60].

То есть в хэйанской поэзии произошел перенос чувства любви или чувственной красоты на аромат сливы. Во многом это объясняется модной в то время культурой ароматов и благовоний. Надо сказать, что изначально культура воскуривания ароматов зародилась в Индии как неотъемлемая часть церемонии зажжения благовоний перед статуей Будды, что предписывалось буддийской доктриной. Церемония ритуального зажжения благовоний и ароматы проникли в Японию еще в эпоху Нара (VIII в.).

В эпоху Хэйан (IX–XII вв.) придворная знать стала использовать благовония не только во время ритуалов, но и в повседневной жизни. Зародился обычай зажигать благовония в комнатах, пропитывать ими одежду, волосы [4: с. 81]. Более того, при императорском дворе появилась даже новая придворная игра: устраивали своего рода состязание в правильном подборе соответствующих друг другу ароматов, победителя которого определяли путем поочередного зажигания ароматических смесей. Одно из таких состязаний придворных описано поэтессой Мурасаки Сикибу в романе «Гэндзи Моногатари» в свитке под названием «Ветка сливы» [3: с. 108]. Сложность составления «правильной» душистой смеси заключалась в том, что запах сливы был одним из шести основных ароматов, представляющих определенный сезон года. При этом к каждому из них могли быть подобраны десятки дополнительных ароматических оттенков.

Итак, можно говорить о том, что на протяжении эпохи Хэйан (IX–XII вв.) поэтическое восприятие сливы и ее аромата заметно изменилось. Переход от визуальной эстетики восприятия к эстетике чувственного восприятия, характерной для культуры данного периода, сказался и на образе сливы. Произошло смещение акцента с внешней красоты сливы на внутреннюю, т. е. на аромат. В свою очередь, аромат чрезвычайно расширил «поле своего воздействия». В поэзии он уже не только пропитывал рукава возлюбленных, но и проникал на другие природные явления и объекты, и даже заполнял собой все пространство. Можно сказать, что благодаря в том числе и образу аромата совершенствовался иллюзорный утонченный мир хэйанских придворных. И в этом велика заслуга антологии «Кокинсю», которая впервые столь ярко запечатлела поэтический образ аромата сливы.

Библиографический список

Источники

1. Поэтическая антология «Кокинсю» / пер. со старояп. и коммент. И.А. Бороиной. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 399 с.

Литература

2. 有岡利幸. ものと人間の文化史. 梅 I. 東京: 法政大学出版局, 1999. 357 с.
3. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари): в 4 кн. / пер. с яп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991–1993. Кн. 1. 245 с. Кн. 2. 272 с. Кн. 3. 304 с. Кн. 4. 256 с.

4. Хань Вэнь. Ниттю котен сика ниокэру умэ-но имэдзи хикаку. (Сравнительный анализ образа сливы в древней китайской и японской классической поэзии): дис. исл. Токио, 2011. 405 с.

References

Istochniki

1. Poe'ticheskaya antologiya «Kokinsyu» / per. so staroyap. i komment. I.A. Boronin. M.: IMLI RAN, 2005. 399 s.

Literatura

2. *Arioka Toshiyuki*. Mono to ningen-no bunka shi. Ume I. Tokio: Seixo daigaku, 1999. 357 s.

3. *Murasaki Sikibu*. Povest' o Ge'ndzi (Ge'ndzi-monogatari): v 4 kn. / per. s yap. T.L. Sokolovoj-Delyusinoj M.: Nauka, 1991–1993. Kn. 1. 245 s. Kn. 2. 272 s. Kn. 3. 304 s. Kn. 4. 256 s.

4. *Xan' Ve'n'*. Nittyu koten sika nioke'ru ume'-no ime'dzi xikaku. (Sravnitel'ny'j analiz obraza slivy' v drevnej kitajskoj i yaponskoj klassicheskoj poe'zii): dis. isl. Tokio, 2011. 405 s.

E.O. Astapova

The Poetic Image of the Plum Fragrance in Japanese Anthology «Kokinwakashyu»

The paper deals with the theme of the fragrance of plum in Japanese poetic monument of Xth century «Kokinwakashyu». On the example of the poetic anthology, the artistic function of plum flavor in medieval Japanese poetry is analyzed.

Keywords: «Kokinwakashyu»; *waka* poetry; artistic function; plum flavor.